

УДК 821.161.1(73)

АМЕРИКАНСКИЙ КОНТЕКСТ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ
БЕЛЛЕТРИСТИКИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.:

ГЕРОЙ, СЮЖЕТ

Арустамова А.А.

Пермский государственный университет

Подробная информация об авторах размещена на сайте

«Учёные России» - <http://www.famous-scientists.ru>

В статье рассматриваются механизмы формирования американского контекста в русской беллетристике рубежа XIX-XX вв. Показаны некоторые особенности восприятия США русской культурой того времени и способы их манифестирования в художественном произведении. Выявляется, каким образом тенденции, значимые для русско-американского диалога рассматриваемого периода (расширение контактов, активизировавшиеся поездки русских в США и др.) нашли отражение в беллетристике рубежа XIX – XX вв. Особое внимание в статье уделяется исследованию типа героя, принципов характерологии; анализируются стереотипные представления об Америке, а также культурные знаки, реализуемые в текстах беллетристики.

Беллетристика последних десятилетий XIX – начала XX в. точно отражала тенденции, которые зарождались или развивались в русском общественном и культурном сознании того времени. По мнению М.Г. Абашинной, оперирующей понятиями «массовая литература» и «массовая беллетристика», литература такого рода «не открывает новых направлений, не вырабатывает выдающихся идей, однако именно эта литература зачастую весьма чутко улавливает и отражает те идеи, тенденции и настроения, которые начинают овладевать массовым интеллигентским сознанием» [1,1]. И, заметим, не только интеллигентским, но и сознанием более широкого круга читателей. Исследователи сходятся на мысли о том, что в свою очередь и художественные идеи, вырабатываемые беллетристикой, соответствуют стереотипам, культурным клише, функционирующим в массовом, бытовом сознании [7,66]. Именно поэтому представляется существенным выяснить, какие аспекты русско-американского диалога рубежа столетий находят отражение в массовой беллетристике, как и почему стереотипы, функционирующие в поле русской культуры и в массовом сознании этого

времени, оказываются востребованы литературой.

Американский контекст органично входит в художественные произведения. Последние десятилетия XIX в. - начало XX в. - время, когда нарастала тенденция «ознакомительных» поездок русской интеллигенции за океан с целью составить более полное представление о стране, все еще сохраняющей в глазах русских статус наиболее свободной и ставшей к тому времени очевидным лидером мирового прогресса. Русские стремились побывать в США по нескольким причинам. Одни ехали туда, чтобы перенять технические достижения заокеанской республики, быть более успешными в предпринимательской деятельности. Другие – познакомиться с социальным устройством и демократической системой США. Наконец, третьими двигало стремление улучшить свое материальное состояние, заработать денег и вернуться в Россию. В конце столетия – начале нового века, происходило более широкое освоение ландшафта, американской социальной реальности, погружение носителей русской культуры в заокеанскую повседневность.

Эти процессы нашли отражение и в беллетристике рубежа веков. Вхождение в

текст американского контекста оказывается связанным с принципами характерологии героев в художественных произведениях, поскольку одним из критериев состоятельности героя становится его поездка в США или же отказ от нее. Именно так происходит в повести К.С. Баранцевича «Победа», рассказах В.Г. Авсеенко «Сватовство», И.Н. Потапенко «Пешком за славой».

Так, в рассказе «Сватовство» Авсеенко пытается создать позитивный образ русского предпринимателя – энергичного, порядочного, твердо идущего к намеченной цели. Главной характеристикой героя рассказа Сулавского становится определение «деловой человек». Рисуя тип делового человека, автор пытается проследить его генезис. Русский предприниматель во многом обязан своим успехом заграничному воспитанию и образованию – берлинскому «политехникуму», последующему путешествию по Европе и США с целью ознакомления с их техническими достижениями. В Америке герой пробыл полгода, «изучая организацию больших промышленных предприятий и присматриваясь к крупным производствам, и наконец вернулся в Петербург с очень небольшим капиталом и с громадным запасом знаний, наблюдений и впечатлений» [2,84]. Стремление набраться практического опыта в технически развитых странах, и в том числе США, оценивается автором как безусловно положительное качество героя.

Поездка в Америку становится маркером социальной активности героя, его готовности и способности делать дело, быть полезным родине. Последующее повествование должно читателя убедить в этом. Автор рассказывает о предпринимательских успехах Сулавского в России, подчеркивая, что вместе с тем герой обладает привлекательными человеческими качествами и «верным и дельным широким взглядом на вещи. В нем как бы присутствовал известный культурный идеал, с высоты которого он и смотрел на все запросы промышленной и технической практики» [там же].

Авсеенко фиксирует и новое социокультурное явление: речь идет о культурном шоке, который испытывают герои не

только по приезде в США, но и по возвращении оттуда в Россию. Слишком различными оказываются условия жизни, основы общества и культуры по обе стороны океана. Так, Авсеенко подчеркивает, что Сулавскому на родине «пришлось нелегко. Россию он плохо знал. Ему пришлось встретиться с другими людьми. Надо было потратить немало времени, чтобы приглядеться и привыкнуть к русской жизни» [там же]. Герою удается приложить свои деловые и технические знания к русской действительности, стать крупным дельцом, не потеряв при этом человеческого лица.

Однако за пределы подобных деклараций автор произведения не выходит. В тексте не раскрываются подробности и обстоятельства дел, которые ведет герой, он не показан в своей предпринимательской активности. Писатель следует уже устоявшейся сюжетной схеме, выработанной русским романом середины XIX в., когда состоятельность героя проверяется в любовной коллизии. Сватовство Сулавского к Магдалине Лихониной превращается в поединок уверенного в своих силах героя и потенциально богатой, хотя и «избалованной натуры» героини, в котором верх одерживает «деловой человек».

Схожую функцию выполняет мотив поездки в США и в повести Потапенко «Пешком за славой». Как и в произведении Авсеенко, поездка в Америку является знаком успешности, энергичности и активности героя, его перспективности. В основе сюжета повести – история о талантливом певчем русского уездного города Козодоеве, который пешком отправился в Италию брать уроки у великого итальянского тенора Пуццини. В Италии расцвел талант героя, спустя несколько лет приобретшего имя, европейскую славу, деньги.

Рассуждая о харизматичности русского артиста, сумевшего пробить себе дорогу к известности, автор, как и Авсеенко, устами одного из персонажей противопоставляет Россию европейской и американской цивилизации, пишет об исключительности русской ментальности. Для Потапенко, как и для многих его современников, США – прежде всего страна техниче-

ских достижений, рационального знания, коммерции, но и только. Тогда как, по мысли автора, русские талантливо по-особенному, неожиданно и ярко, чему примером служит судьба самородка Козодоева.¹ В повести Потапенко на первый план выходят различия между двумя странами, национальными характерами, что было отражением вполне определенных настроений части русского общества конца XIX – начала XX в. Это сопоставление не разворачивается в произведении, но отчасти обуславливает финал повести: Козодоев, приехав на родину и дав благотворительный концерт в родном городе, отправляется выступать в США.

В этом сюжетном ходе нашла отзвук такая тенденция русской жизни конца XIX – начала XX в., как гастрольные поездки русских артистов в США (среди которых был и П.И. Чайковский). Однако в произведении Америка односторонне представлена как страна наживы и коммерческого успеха. Герой, в котором сочетаются талант и страсть к деньгам, в финале отправляется в США – «страну доллара» - в первую очередь для того, чтобы «загрести там большие деньги» [8,289]. Показательно, что данный сюжетный мотив появляется в финале - в сильной позиции, являясь маркером активности героя, его успешности, коммерческой перспективности. И вместе с тем – его противоречивости. Авторская оценка однозначно выражена в характере повествования: намерение Козодоева поехать за океан с целью увеличить не столько славу, сколько доходы, описано с помощью экспрессивных глаголов: «загрести деньги», «заграбастать как можно больше денег» [там же].

В беллетристике конца XIX – начала XX в. находит отражение еще одна тенденция, появившаяся и укрепившаяся в

этот период в русском обществе: сначала овладеть каким-либо мастерством и уже затем отправиться за океан, чтобы погрузиться в американскую повседневность, приобрести новый социальный и технический опыт, перенести затем все позитивное на русскую почву. Именно так и намеревался поступить в юности герой повести Баранцевича «Победа» Белавенский. Как и Авсеенко, Баранцевич ставит вопрос о герое в безгеройное время, показывая обычного, «среднего» человека. Баранцевич очевидно вторит Чехову, показывая нравственные сомнения и колебания своего героя-интеллигента, петербургского врача Белавенского. В центре внимания писателя – вопрос о возможности реального дела: «помогать людям в качестве врача казалось ему благороднейшим назначением человека» [3,23].

Перед читателем разворачивается картина формирования личности Белавенского. Ключевой вехой в этом процессе является желание познакомиться с заокеанской жизнью. Однако, как показывает автор, оно было не более чем мечтанием. «В эти годы он мечтал о том, как, окончив курс, уедет в Америку, в западные штаты, при этом он считал необходимым изучить какое-нибудь ремесло и выбрал столярное. В несколько месяцев он научился ему, но прочитавши однажды большое сочинение об Америке, пришел к заключению, что и там, в сущности, то же самое, что везде, там же эксплуатация труда. Но возникла другая: окончив курс, поступить в медицинскую академию» [там же].

Отказ от поездки вследствие «книжного» разочарования в заокеанской цивилизации открывает ряд событий в судьбе героя и его поступков, свидетельствующих о нравственных метаниях, невозможности обрести почву под ногами, найти свой путь. Из повествования мы узнаем, что Белавенский пытался примкнуть к толстовцам, однако безуспешно (община распалась), был глубоко неудовлетворен деятельностью в «холеном Санкт-Петербурге», женился и позже осознал, что любит жену только «физической любовью». Следуя чеховскими путями, Баранцевич показывает, как глубоко непонимание между героями повести, сколь

¹ «...Англичанин, американец изошряются в машинном деле: ну, и пускай их, а мы подождем; чего нам соваться, зачем напрасно утруждать свой мозг, когда мы можем купить машину у англичанина и американца... погоди, дай срок: истощится созерцательный гений немца, практическая изобретательность англичанина... и мы тогда выдвинем вперед свои таланты...» [8,283].

разные идеалы и ценности они исповедуют. Однако если Чехову удастся за обыденным увидеть «всеохватную закономерность человеческого бытия» [5,36], то Баранцевич остается в поле повседневного, на уровне образа героя времени.

Автор в деталях показывает отчуждение героя в семье, непонимание его стремлений окружающими, внутреннюю раздвоенность, неуверенность, упадническое настроение, сомнения в возможности найти свой путь. В отличие от произведений Чехова, повесть Баранцевича мелодраматична, перенасыщена эффектами, однозначна по решению центральной проблемы: Белавенский, дважды бывший готовым застрелиться, одерживает победу над собой. Баранцевич, как и Авсеенко, остается на уровне пафосных деклараций, показывая пробуждение в финале произведения готовности героя посвятить свою жизнь служению народу.

В беллетристике рассматриваемого периода с Америкой связан вполне очевидный ассоциативный ряд: свобода, независимость, эмансипированность, активность. Семантика именно этих сюжетных мотивов аккумулируется в названии повести Боборыкина «По-американски!..». Проза писателя широко освещала русскую жизнь конца XIX – начала XX в., ее характеризуют злободневность, отражение важнейших общественных тенденций того времени.

Не обошел вниманием Боборыкин и тему эмансипации. Героиня повести Лиза, от лица которой ведется повествование, находится накануне своего совершеннолетия и пытается утвердить свою независимость от семьи, светских условностей, «отстоять свою свободу». Лиза представляет тип активной героини, шаг за шагом отстаивающей право на собственную судьбу вне рамок московского быта. Боборыкин сталкивает героиню с нравами и укладом жизни московского общества. Однако конфликт в повести не выходит за рамки семейного, развертываясь в линиях Лиза – семья героини и Лиза – Булатов.

Показательно, однако, что окружающие называют героиню американкой, считая ее – в большинстве своем – слишком смелой и независимой. В произведе-

нии Боборыкина четко отражено, какие коннотации связаны с концептом Америка в сознании русского общества рубежа веков. Одни и те же поступки Лизы вызывают противоположные оценки героев повести, но все они включают в себя американский контекст². Наиболее частыми эпитетами являются «смелый», «независимый», «эмансипированный», «скандальный». Стремление к независимости, самостоятельности, активность, энергичность в достижении своих целей и способность к поступку может рассматриваться как скандальность или смелость, но важно, что эти личностные качества оказываются в сознании русских прочно связаны с американскими нравами и национальным характером, что и показывает чутко улавливающий культурные и общественные тенденции Боборыкин.

В связи с этим следует сделать существенное замечание. Возможно, именно накануне новой эпохи и нового этапа русско-американского диалога в русской художественной литературе появляются характеристики русского героя через «американские» сравнения. В литературе середины XIX в. уже встречалось немало аллюзий на американскую действительность, культуру (в творчестве Г.Н. Данилевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и др.). Вместе с тем в беллетристике рубежа веков отчетливее выражен критерий оценочности героев, вводимой через американский контекст.

Боборыкин, несомненно сочувствуя героине, описывает процесс ее эмансипа-

² Так, в одном из эпизодов Лиза и Булатов, молодой московский адвокат, говорят о естественности искренних отношений между мужчиной и женщиной. «Речь моя, кажется, пришлась по вкусу. Он даже опустил почему-то глаза и, поднявши их, ласково взглянул на меня. - Вот это дело, - сказал он. - ...В этом есть что-то не московское... - Американское, засмеявшись, добавила я. - Да, простое и смелое. [4,55]. Тогда как в семье героини ее действия, а также все относящееся к США вызывают однозначно негативное отношение. «Лично я не знаю, ничего угловатее и и несноснее этих американских девиц с их эмансипацией», - заявляет, к примеру, брат героини, являющейся воплощением комильфотности .

ции от семьи на протяжении всего произведения через систему «американских» ассоциаций, образов-понятий, ключевым из которых является «штат». Автором проводится параллель между процессом обретения свободы и материальной самостоятельности Лизы и процедурой объявления независимости американским штатом. Именно мотив независимости является центральным в повести: «Я рассказала Булатову весь ход моих «пунических войн», сообщила и то, что через три дня я желаю объявить свой штат независимым» [4,171]. Очевидно, массовое сознание в России было уже столь хорошо знакомо с социально-политическими, общественными реалиями заокеанской страны, что происходит активное введение их в текст художественных произведений.

В этот период и некоторые сугубо русские явления получают названия американских реалий или общественных явлений, как это происходит, например, в рассказе Ф. Ромера «Деревенский линч». В основе произведения – деревенское происшествие: крестьяне расправились самосудом с мужиком Сигнеем. Причиной самосуда, как становится ясно из развития действия, были шантаж, угрозы ««лядащего» мужика с живыми вороватыми глазами» односельчанам и следовавшие за ними многочисленные кражи. Народная молва указывала на Сигнея, однако поймать его не могли и однажды мужика нашли убитым в овраге. Автор рассказа воздерживается от прямых комментариев, однако, как и в повести Боборькина, происходит аккумуляция семантики произведения в названии. Очевидно, авторские ожидания направлены на то, что читателю хорошо известно такое явление, как линч со всеми его смысловыми оттенками и ассоциативным рядом.

Таким образом, в тексты массовой беллетристики конца XIX – начала XX в. попадают ставшие культурными знаками реалии американской жизни, обеспечивая тексту приращение смысла. Авторы опе-

рируют образами и понятиями, ставшими фактами массового сознания, отражают особенности восприятия Америки русским обществом того времени. Американский контекст входит в произведения целого ряда писателей, не только создавая широкий культурный фон, но и выполняя характерологическую функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абашина М.Г. Массовая литература 1880-начала 1890-х годов (И.И. Ясинский, В.И. Бибиков). Автореф. дисс. на соиск. степ. к.фил.н. Спб. - СпбГУ., 1992. - 16 с.
2. Авсеенко В.Г. Сватовство // Авсеенко В.Г. Соч. в 12 тт. Т. 10. Спб., А.Ф. Маркс. - 1907. - 441 с.
3. Баранцевич К.С. Победа // Баранцевич К.С. Соч. в 9 тт. Т. 7. Спб., тов. А.Ф. Маркс. - 1910. - 328 с.
4. Боборькин П.Д. По-американски // Боборькин П.Д. Соч. в 12 тт. Т. 12. СПб., тип. тов-ва М.О. Вольф – 1900. - 524 с.
5. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М., МГУ, 1989. - 262 с.
6. Катаев В.Б. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова. Собрание текстов, статьи и комм. В.Б. Катаева. М., МГУ, 1982 - 479 с.
7. Маркович В.М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность. Пред. П.А. Николаева и В.Е. Хализева. М., МГУ, 1991. - 254 с.
8. Потапенко И.Н. Пешком за славой // Потапенко И.Н. Сочинения. Т. 1. Спб., тов-во А.Ф. Маркс. - 1911. - 542 с.
9. Ромер Ф.Э. Соч. в 4 тт. Т. 1. А.Ф. Маркс, СПб., 1905. 347 с. Ромер Ф.Э. Соч. в 4 тт. Т. 1. СПб., тов-во А.Ф. Маркс. - 1905. - 347 с.
10. Шелоник М.И. А.П. Чехов и И.Н. Потапенко (проблемы творческих связей) // Автореф. дисс. на соискан. степ. кфн.-Моск. гос. заоч. пед. ин-т. - М., 1990. - 30 с.

**AMERICAN CONTEXT IN LETTERPRESS OF RUSSIAN POLITE LITERATURE OF
THE END OF XIX- BEGINNING OF XX CENTURIES: HERO, PLOT**

Arustamova A.A.
Perm State University

The article researches mechanisms of American context formation in the Russian fiction of the end XIX c. – beginning of the XX c.

It shows some peculiarities of perception of the USA by the Russian culture of that time and ways of their manifestation in the text. Special attention is given to the question, how actual tendencies of the Russian – American dialogue (such as expanding contacts, more active travels of Russians to the US, etc.) are American in the Russian prose at that period. We also research the type of the character, principles of character creation; analyse stereotyped idea of America and cultural signs, American in the Russian fiction texts.

